

М.М. ШАХНОВИЧ

ТРОИЦКО СУНОРЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЗАПАДНОМ ПРИОНЕЖЬЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 2007–2011 ГГ.

Посвящается памяти Олега Алексеевича Панова

Во второй половине XVII века на территории Карелии существовало более сорока больших и малых православных монастырей. При скудности письменных источников археологические материалы во многом могут восполнить информационные лакуны по малоработанной теме истории северных монастырей в позднем Средневековье. В качестве примера результативной работы в этом направлении можно рассматривать многолетние комплексные археолого-исторические изыскания в Соловецком монастыре [1].

В конце XX в. – начале XXI века проводилось археологическое обследование некоторых известных православных монастырей в Южной Карелии [2–8]. Работы ограничивались закладкой небольших рекогносцировочных траншей и шурфов с целью выявления остатков отдельных храмовых зданий. Единственные масштабные раскопки были осуществлены в 2012 г. на месте Благовещенской церкви Ионо-Яшезерского монастыря [9]. Сведения о бытовавших недолгий срок небольших пустынях края до настоящего времени продолжают оставаться фрагментарными, и поэтому любая новая информация по этой теме важна и интересна. В данной статье мы хотим представить предварительные результаты археологического изучения усадьбы Троицкого Сунорецкого монастыря, существовавшего в западном Прионежье в середине XVII – начале XVIII в.

История «Кирилова монастыря».

При изучении Троицкой Сунорецкой обители в первые десятилетия её существования из-за отсутствия других источников мы опираемся на прекрасный образец старообрядческой письменности – Кирилло-Епифаниевский житийный цикл. Он создан по воспоминаниям «самовидцев и помятух» в Выголексинском общежительстве в период 1731–1744 гг. [10, 11], и даёт нам интересные сведения о судьбах реальных людей, об истории «Кириллова» монастыря. В тоже время в историографии неоднократно подчёркивается традиционная черта русской агиографии – сознательная

отстранённость текстов от реальной ситуации и фактических данных [12, с. 410, 436]. Использование старообрядческой житийной литературы в качестве исторического источника, при всей её информативности, красочности и эмоциональности, имеет неотъемлемые минусы мемориального (житие Кирилла) и мемуарного жанров (житие Епифания): дидактичность, субъективность, и гиперболизация [13, с. 37–39].

Будущий основатель Сунорецкого монастыря, «первый Выгорецкий пустынножитель» инок Кирилл (в миру Карп Васильев) по тексту Жития родился в 1607/1608 г. в д. Андреев Наволок в устье реки Суны и принял постриг в 1627/1628 г. в Юрьегорском монастыре [12, с. 458–459; 14, с. 77]. В 1645 г. после 18 лет скитаний по северным монастырям, с помощью своего отца он основал «обитель при реце Суне на острове Виданском во Олонецких пределах», «избрав на острове том место красно, постави на нем крест Спасителя нашего». До прихода Кирилла остров не был населён, а ближайшая деревня находилась в устье р. Суна, в 12 км вниз по течению. В 1657 г.^[11] к нему присоединился соловецкий монах Епифаний: «в лето же 7165 прииде к нему некий инок именем Епифаний, иже жил бшае прежде в Соловецком монастыре»; «они пожиша преж монастырем пустынно житием» [16, с. 27; 17, с. 405]. Позднее «в той пустыни поживе пустынным жестоким житием» ещё один монах с Соловков – Варлаам.^[12]

После постройки и освящения церкви во имя Живоначальной Троицы (до 1678 г.) и получения официального разрешения на создание монастыря от новгородского владыки^[3] резко увеличиваются число насельников Виданской обители Кирилла и размеры её земельных владений: «Собрася же всей братии иноков и бельцов во обитель числом до полуста и больше». В этот благоприятный для пустыни период её пространство традиционно было разделено на островную зону, где находились окруженные деревянной оградой братские кельи, церковь, и в непосредственной близости мирскую, материковую, где располагались хозяйственные постройки – «скотские дворы», амбары, сеновалы и жилые дома «бельцов», положившие начало д. Чикулай.

Как и множество небольших обителей России во второй половине XVII в., монастырь придерживался «древлецерковного благочестия» и проводил политику пассивного сопротивления никоновским «новинам». В 1684 г., из центра епархии, Великого Новгорода, был назначен новый игумен. В это время ужесточение мер по преследованию раскольников достигло своего апогея: «А кто покорения Святей Церкви не принесёт, тех по тридневному допросу не покоряющихся, жечь в срубе и пепел развеять». Кирилл не пожелал повести «на огненную смерть» доверившихся ему людей, когда для «увещевания» староверов прибыл карательный отряд, и вынужден был покинуть своё детище. Недолгая пора расцвета Кирилловой обители сменилась угасанием и последующим запустением, чему способствовала общая политика государства по отношению к монашеским обителям. В 1723 г. малобратственная обитель была

приписана к Александрo-Свирскому монастырю, а в 1764 г. – официально упразднена в ходе секуляризационной реформы Екатерины II [18, с. 2].

Г.Р. Державин, описывая в «Подённых записках» своё знаменитое путешествие 1785 г., останавливается и на окрестностях деревни Вороново: «Проехав 9 верст, видели на небольшом острове часовню, в которой, по известиям поселян, почивает в стоявшей там раке святой Варлаам, пустынножитель. Откуда же оный переселился и когда почил, сиё неизвестно. В трёхстах сажнях от острова сего находятся бывшие прежде сунорецкие пустыни, ныне же кроме церкви и нескольких хижин, ничего не осталось».^[41]

Вероятно, до начала XIX в. остатки бывшего монастыря крестьяне близрасположенных деревень воспринимали как «святое место» и «присматривали» за состоянием его строений. После образования в 1828 г. самостоятельной Олонецкой епископской кафедры и назначения на неё архиерея Игнатия (Семенова), активно занимавшегося антираскольнической деятельностью «по обновлению усердия к истинной вере» [19, с. 34–38], процесс естественного разрушения закрытого храма ускорило «небрежение» местных жителей.

Краевед А. Воронов, посетивший д. Чукулай Вороновского общества Спасопреображенской волости Петрозаводского уезда и Виданский остров в 1894 г., писал: «От монастыря, некогда здесь существовавшего, осталась деревянная разрушенная церковь на острове. Сруб церкви уцелел, но крыша провалилась и на полу в притворе растёт трава. Средняя часть храма не более четырёх сажень. Боковая дверь была одна и один клирос (правый). Царские двери очень низкие. В храме был высокий потолок и три окна, у которых одно на высоте второго этажа. Около церкви кладбище, где сохранились ещё древние деревянные кресты» [19, с. 2].

На основании житийных текстов можно выделить пять периодов в истории Сунорецкого монастыря, характеризующихся существенными изменениями в его планиграфии [20, с. 81–82]. 1. Период пустынножительства (1645–1657 гг.) – первичное освоение южной оконечности острова иноком Кириллом. На левом берегу нижнего течения реки Виданская находились две кельи Кирилла – «странноприимница» и «молчальница», мельница, поклонный крест, огород. 2. Малая обитель (1657–1667 гг.) – в Виданской пустыни живут монахи Кирилл, Епифаний, Варлаам. Ещё две кельи построены в южной части Виданского острова. 3. Создание Кириллом официального монастыря (1667–1683 гг.). Сложившийся монастырский комплекс включал «церковь Живоначальныя Троицы», «хлебню», столовую, ограду, братское кладбище, которое по традиции должно располагаться внутри монастырских стен; мост через порог Виданной; выше по реке устроена новая мельница; основана будущая деревня Чукулай, где находились «монастырской двор коровей» и «конюшенной», дома «доилиц», «бельцов» и кельи инокинь; разработаны поля и сенокосы.

4. «Новообрядный» этап истории Троицкого монастыря (1684–1764 гг.). 5. Упразднение монастыря, ветшание и разрушение построек.

Археологические работы на о. Виданском.

Район нижнего течения Суны, крупнейшей реки Западного Обонежья – перспективная территория для археологических изысканий. Поиск и раскопки разновременных памятников здесь производили в 1930-е гг. А.Я. Брюсов [21, с. 285–298; 22, с. 41–47], в 1970-е гг. Г.А. Панкрушев, Ю.А. Савватеев, П.Э. Песонен, М.Г. Косменко [23–26], в 1980-х гг. В.Ф. Филатова, М.М. Шахнович [27, 28], в 2000-х гг. А.М. Жульников, М.М. Шахнович, А.М. Спиридонов [29]. Известные сегодня поселения Суна I–XXXIII располагаются компактными скоплениями по берегам озёрных разливов древнего течения реки, на наиболее возвышенных боровых участках ландшафта, на значительном удалении от её современного русла на 0,3–0,6 км.

Первые археологические находки из интересующего нас района д. Большое Вороново Петрозаводского уезда Олонецкой губернии начали поступать в коллекции «доисторических древностей» российских коллекционеров ещё в середине XIX в. Из сборов крестьянами с полей происходит знаменитый фигурный молот, опубликованный А.С. Уваровым [30, с. 29–30], обломок «огромной сланцевой кирки с очень узким основанием (26,5x9,5x5,5 см)» и несколько орудий из сланца (топоры, кирки, долота), маркированные как «находки на р. Суне от водопада Кивач до с. В. Вороново» [21, с. 198]. Из этих мест в Государственном Эрмитаже в коллекции А. Раевской хранится «обломок массивного топора с округлым лезвием и овальным поперечным сечением» [21, с. 217].

А.Я. Брюсов, работавший с Н.А. Прокошевым в 1929 г. в этом районе, писал: «При обследовании правого берега реки Суны, между сёл Чукулай и Часовенская Суна, низкий, заболоченный берег реки исключал возможность каких-либо шурфовок и наводил на мысль о произошедшем некогда стоке вод Онежского озера к югу, с обнажением этой части Кондопожской Губы» [31, с. 70]. После столь категоричного заключения московского мэтра окрестности д. Большое Вороново привлекли внимание археологов только в 1977 г., когда Ю.А. Савватеев открыл здесь три местонахождения находок каменного века, а у бывшей д. Чекулаево – пять древних поселений неолита – энеолита – эпохи бронзы [32, с. 29, 158]. В южной части о. Виданский им обнаружены два памятника неолита – энеолита – Чекулаево IV и V [33, с. 24–26]. В 2005 г. М.М. Шахновичем в 3 км к северу от д. Большое Вороново зафиксированы неолитические стоянки Вороново II и III [20, с. 82], а в 2007 и 2008 г. на южной оконечности острова Виданский – Чекулаево VI, VII. В 2007 г. А.М. Жульников в северной части о. Виданский нашёл на берегу протоки Большая Суна небольшие стоянки периода неолита – раннего железного века – Большое Вороново I–III и в 2008 г. – селище Малое Вороново I.

По инициативе Кондопожского городского краеведческого музея и администрации Кондопожского района РК только в 2007 г. Троицко-Сунорецкий монастырь впервые стал объектом археологического изучения. Программа работ 2007–2009 гг. археологической экспедиции Карельского государственного краеведческого музея предусматривала предварительное натурное обследование южной части острова Виданского с целью поиска Троицкой Сунорецкой обители. За очень краткий временной период полевых изысканий и при незначительном финансировании предварительно были локализованы на местности и определены размеры монастырской усадьбы, охарактеризовано её общее современное состояние и описаны отдельные видимые наземные объекты.

Топография. Предваряя описание наших работ, коснемся топографической ситуации расположения «Кирилова монастыря». При выборе места для отшельнической жизни православные подвижники придерживались определённого канона, по всей видимости, сложившегося в XIV–XV вв.: наиболее часто они осваивали перешейки между озёрами, острова или вытянутые мысы. В данном контексте интересен отрывок из Жития инока Епифания характеризующий эстетические чувства карельских крестьян по отношению к местам достойным религиозной нагрузки: «Есть у нас близ наша деревни остров зело красен и велик, а на том острове скоты наши ходят. И многия люди говорят, достойно де на сём острове бытии пустыне или монастырю и церкви, а хотя бы де ныне какой боголюбец крест Христов поставил, и то бы де зело добро» [14, с. 81]. По Житию Кирилла Сунорецкого основанная им Троицкая пустынь имеет точную топографическую привязку, позволяющую уверенно локализовать местонахождение её усадьбы в южной части крупного острова Виданский (3,2x0,8 км), в 11,5 км от устья реки Суна, в 2,5 км к югу от д. Большое Вороново, вниз по течению реки, а не к северу, как упоминается у авторов небольших газетных сообщений конца XIX в. [18, с. 2].

С запада и востока остров охватывают два порожистых рукава реки Суны. В настоящее время, по сравнению с XVII в., река сильно обмелела из-за общего изменения климатической ситуации в регионе и двух крупных локальных событий: строительства в 1929 г. Кондопожской ступени Сунского каскада ГЭС, и в 1980-х гг. насыпи шоссе Кондопога – Вороново – Кончезеро, пересекающей остров. После чего прежде бурный западный рукав Суны – Виданский превратился в небольшой, тихий ручей с каменистым руслом. По распространению однородных отложений речных наносов плотной серой супеси можно утверждать, что ранее сезонный подъём воды был на три метра выше современного уровня реки.

Напротив монастыря, на правом берегу реки, до 1970-х гг. находилась небольшая деревня Чукулаево (ранее Чиколай или Виданская Нишка). В 1905 г. в ней было одиннадцать домов, где жили девяносто человек [34, с. 71], а сейчас это место занято дачными строениями. От южной оконечности острова начиналась ныне заброшенная дорога к селу Кондопога.

На местах бывших покосов поверхность острова поросла смешанным лиственным лесом, на более высоких песчаных участках – средним сосняком. Основные монастырские сооружения находились на ровной, с небольшим уклоном к западу площадке второй речной террасы, в 0,25–0,35 км к северу от южной оконечности острова, на высоте 9–11 м над уровнем озёрного расширения в этой части реки Суна. По памятнику проходит заросшая лесная дорога, ведущая от д. Большое Вороново к сенокосам.

К началу наших исследований остатки монастыря существовали только в археологизированном состоянии. Приблизительно площадь монастырской усадьбы в 2007 г. определена в 18000 м² (120x150 м). Состояние культурного слоя памятника хорошее. Пока мы фиксируем только два легко разделяемых комплекса – эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой (стоянки Чекулаево V и VI) и позднего Средневековья – Нового времени (2 половина XVII – начало XVIII вв.). Слой не потревожен «поздним» антропогенным воздействием – строительными и сельскохозяйственными работами. Только в одном месте усадьбы выявлен небольшой по площади «огородный» участок (30 м²) с характерным насыщенным слоем чёрного цвета. Есть и своя специфика. Краткий период существования обители, аскетический уклад монашеской жизни с преимущественным выведением «хозяйственной составляющей» за пределы острова, отсутствие в истории монастыря каких-то разрушений, оставляющих значительные следы в культурных напластованиях, предопределили минимальное формирование «монастырского слоя». Преимущественно на всей территории памятника наблюдается стандартная цветность стратиграфической колонки, характерной для памятников каменного века Карелии, находящихся в песчаных почвах.

Начиная работу, мы исходили из того, что по устоявшейся православной традиции большие и малые общежительные монастыри России строились с соблюдением определённых правил: сохранение в плане формы четырёхугольника, обязательное строительство ограды и «Святых врат», расположение недалеко от церкви трапезной и братского кладбища, а в некотором удалении – отдельных жилых «келий» и основных «домовых» служб («хлебня и поварня, келья проскуренная», амбары, погреба, ледники), вынесение «коровьего двора со стаями и сараями» и дворов «бельцов» за пределы монастырской стены [19, с. 78].

Приоритетной задачей был поиск места сакрального центра монастыря – церкви «Живоначальная Троицы», вокруг которой располагались и другие строения обители. Удивительно, что построенная в последней четверти XVII в. церковь Животворящей Троицы, признанная уже в 1769 г. «ветхой», простояла «впусте и без подновлений» до второй половины XX в. и избежала гибели от пожара. В 1920-х гг. знаменитый ленинградский архитектор Р.М. Габе зарисовывал уцелевшие фрагменты деревянной стены Троицкой церкви – дверной проём, украшенный выемчатой резьбой по косякам и верхней притолоке [35, с. 130, рис. 149]. В 1929 г., когда А.Я. Брюсов был в д. Чукулай, развалины последних строений

монастыря ещё сохранялись. В 1961 г. известный московский филолог-медиевист А.Н. Робинсон при посещении острова отмечал, что были видны «остатки монастырских построек в виде нижних брёвен небольших срубов» [36, с. 300].

Теперь более подробно рассмотрим типы наземных сложений из валунного камня, которые были зафиксированы и после предварительного изучения в 2007–2009 гг. интерпретируются как монастырские постройки.

«*Ледник*». Большое значение имело открытие на усадьбе монастыря остатков сооружения, которое ещё до начала раскопок со значительной степенью уверенности определялось как погреб-«ледник». Несмотря на полную задернованность, он был хорошо заметен на поверхности – яма овальной формы, размерами 4х3,5х1 м, ориентированная по длинной оси север – юг, с обложенными камнями стенками. Ю.А. Савватеев в отчёте о работах около д. Чекулаево в 1977 г. упоминает «округлую выемку из камня» на территории поселения Чекулаево V [33, с. 26]. В 2008 г. объект исследован небольшим раскопом площадью 36 м² (6х6 м). (Рис. 1)

После снятия толстого слоя дерна (толщиной до 0,1 м) конструкция сооружения определилась более чётко: подквадратный в плане котлован (5х5,7 м) был ориентирован параллельно направлению естественного склона террасы – северо-запад – юго-восток, внутри него сделана выкладка из камней. Вокруг сооружения фиксировался слой выброса грунта – песок тёмно-жёлтого цвета. Он частично уменьшил естественный наклон склона к западу, в сторону реки, но всё равно современный уровень восточного края ямы выше западного на 0,5–0,6 м.

Нужно отметить очень хорошую степень сохранности объекта. Сложенная насухо сплошная валунная кладка, располагающаяся по периметру стен и занимающая до половины объёма ямы, была незначительно нарушена корнями деревьев. За исключением нескольких камней, упавших на дно, стены конструкции находятся в идеальном состоянии. Внутренние стены кладки имеют угол наклона около 70° , выполнены из специально подобранных крупных валунов размером 0,4–0,45 м, уложенных без тщательной подгонки друг к другу. Пространство между ними и песчаными краями ямы заложено камнями поменьше (0,2–0,3 м). Нижние валуны укладывались непосредственно на материковый песок. Несколько наиболее крупных валунов, вероятно, для выравнивания нижних горизонтальных рядов, заглублены в песок. Сохранились четыре – пять рядов валунной кладки, общей высотой от дна ямы до 1,2 м. Из-за естественного подъёма склона холма восточный край ямы возвышается над верхним уровнем каменной кладки на 0,6 м, но по остальным сторонам они находятся практически на одном уровне. Ширина кладки значительно различается: западная и восточная стенки – 1,4–1,6 м, северная и южная – 0,5–0,7 м. Вероятно, первые могли использоваться как своеобразные «полки».

Ровное песчаное дно в центре ямы имеет небольшую площадь относительно общих размеров котлована – 4,2x2,5 м. Его первоначальный уровень оказался ниже современного на 0,06 м. Под дерном, мощностью 0,04 м, находился тонкий слой подзола чёрного цвета (0,02 м), ниже – жёлтый песок. В южной части сложения, поверх камней, присутствовал небольшой «натёк» песка тёмно-жёлтого цвета. Остатки деревянных конструкций и находки отсутствовали.

Ледники как специальные сооружения для сохранения скоропортящихся продуктов с помощью естественного льда давно известны в лесной зоне Европы. Ледяные глыбы прямоугольной формы весной вырезались специальными пилами и плотно укладывались в замороженную и проветренную за зиму яму погреба: «... жители Кеми вырезали глыбы чистого льда в тех местах, где не было тропинок и санных дорог, чтобы спрятать их в свои погреба, которые в летнюю жару служили им отличными холодильниками. Даже в самую жаркую погоду в конце лета земля никогда не прогревалась глубже, чем на пять-шесть футов, и лед под землей почти не таял» [37, с. 165]. Верхний слой льда накрывался соломой, лубом или досками [38, с. 47]. В леднике хранили свежую рыбу, мясо, молочные продукты, «квасное питьё». Позднесредневековые ледники в Центральной России имели для отвода воды специальные желоба и колодцы, а также отдушины для вентиляции [39, с. 208]. В нашем случае песчаный пол позволял осуществлять процесс дренирования без дополнительных конструкций.

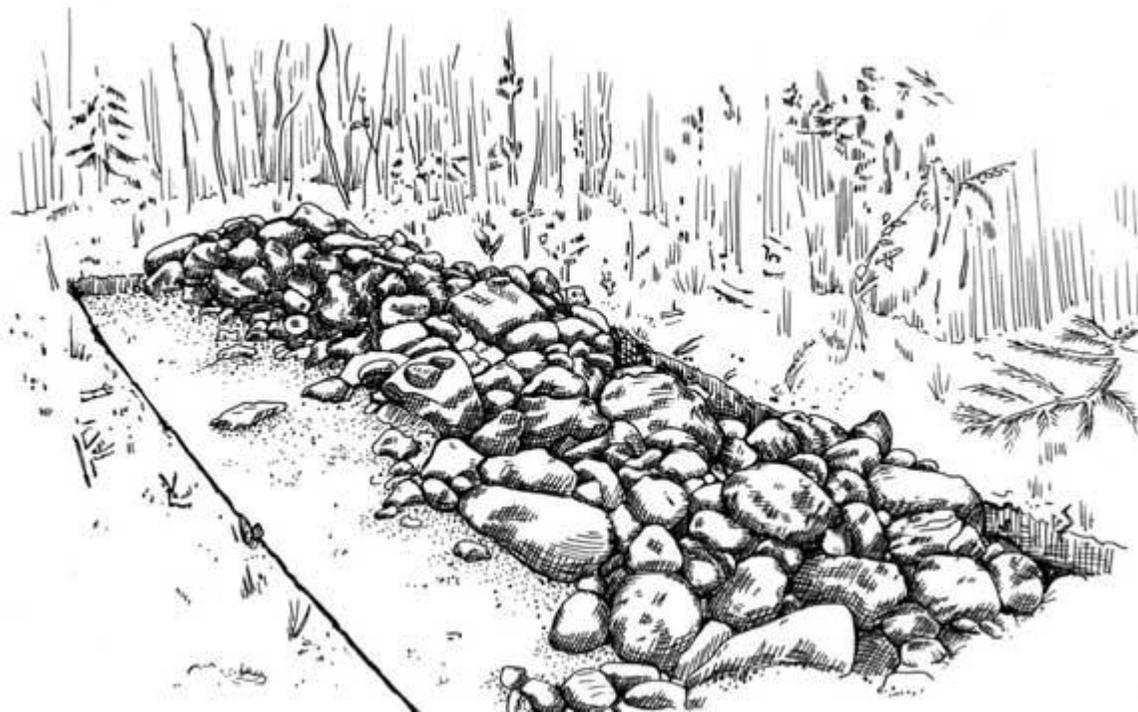
Скорее всего, поверх котлована погреба был надстроен однокамерный бревенчатый сруб – «напогребник»: «погреб и поверх деревянный сруб, крыт тёсом», где обычно находились хозяйственные помещения («сушило для рыбы вялой» и т.п.) [40, с. 78]. «Вход» предположительно располагался в южной части объекта, где до раскопок можно было отметить хорошо заметное западание уровня почвы. Спуск вниз осуществлялся через люк с помощью деревянной лестницы [41,

с. 136]. Ледники, подвалы, амбары входили в хозяйственную зону внутримонастырского пространства и обычно располагались около трапезной, кухни, пекарни.

Ледник Сунорецкого монастыря конструктивно отличается от немногочисленных исследованных раскопками погребов в В. Новгороде [42, с. 65; 43] и известных по этнографическим материалам объектов на «новгородских землях» Русского Севера. Там использование «булыжного» камня при строительстве погребов в сельских и городских усадьбах мирян не встречается, а ямы традиционно обшивались плахами или внутри них делался бревенчатый сруб [41, с. 135–137]. Редкие примеры есть в северном монастырском строительстве. Так, среди хозяйственных построек Соловецкого монастыря в XVIII в. упоминается погреб с каменными стенами и бревенчатым потолком [44, с. 73].

Единственные найденные нами аналогии рассматриваемому объекту на острове Виданском – это подквадратные в плане погреба с безрастворной обкладкой стен котлованов рядами камней и без специального спуска, выявленные при раскопках на подмосковных селищах XV–XVII вв. (Красногорский и Ленинский р-ны Московской обл.) [45, с. 120–124; 46, с. 345]. Этот дополнительный археологический аргумент позволяет нам усмотреть некоторую взаимосвязь между монашескими общинами двух удалённых друг от друга регионов. «Ледник» на р. Суна мог быть построен выходцем из монастырских сёл этого района Подмосковья. В «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова есть глава, которая называется «Об отце Виталии Московском». Виталий, «родом боярин», во время «смятения о вере» постригся в монахи, некоторое время жил у старца Кирилла на р. Суне, вёл странническую аскетическую жизнь, «преходя с места на место» [10, с. 164]. Предположим, что он и был одним из строителей ледника. Или же вполне вероятно, мы имеем дело с преднамеренным копированием образцов «каменного дела» Соловецкой обители.

«Ограда». В первый год работ, в южной части о. Виданский, на верхней надпойменной террасе, на которой находилась усадьба монастыря, вместе с валунными кучами в трёх местах зафиксированы каменные сложения ещё одного типа, т.н. «оградки». На восточном каменистом склоне две невысокие каменные «стенки» (длиной 30 и 20 м), как и рядом расположенные кучи камней, предварительно

связаны с сельскохозяйственной деятельностью – очисткой полей. Задернованные длинные выкладки на западном и южном склонах определены как остатки монастырской стены. Сооружение на западном склоне (85x1,2x0,3 м) сложено из одного ряда валунов средних размеров [20, с. 85].

Для исследования в 2008 г. выбран отдельно расположенный участок каменной «ограды» (31x1,4 м), находящийся в южной части монастырской усадьбы, на оконечности мысовидного возвышения в 40 м от реки. Как и «оградка» на западном склоне, выкладка преднамеренно сделана непосредственно на самом краю террасы, повторяя её изгиб. К югу начинается крутой, каменистый склон к реке. Высота над уровнем воды в р. Малая Суна – 10 м.

Чтобы зафиксировать основные конструкционные особенности валунного сложения, на небольшом участке площадью 15 м² (6x2,5 м) был снят только слой дёрна (толщиной 0,1 м), под которым находился тёмно-жёлтый с красноватым оттенком песок. «Ограда» в основном сделана из необработанных валунов средних размеров – от 0,4 до 0,6 м, но много и мелких камней диаметром до 0,1 м. Верхние камни возвышаются над современной дневной поверхностью максимально на 0,3 м. Конкретной системы в расположении разных по размеру камней не наблюдается: крупные и мелкие лежат «вперемешку», небрежно. В некоторых местах фиксируется укладка валунов в два-три ряда. Засыпка песком отсутствует. Заглубление конструкции в землю не отмечено, но несколько нижних валунов уходят в почву, т.е. они были использованы в их естественном состоянии. Можно отметить, что строителями не ставилась задача сохранить общее единообразие ширины и высоты сооружения. Находки в дерне и среди камней отсутствовали. (Рис. 2)

Работы не выявили в верхнем слое грунта на исследованном участке следов деревянной конструкции даже в виде цветковых пятен, возможно, потому, что песчаный грунт не способствует сохранению древесных остатков. Только к северу от кладки, сразу под дерном прослеживалась длинная полоса древесного тлена тёмно-коричневый цвета, размерами 4x0,25 м и толщиной не более 1 см. Фрагмент истлевшего дерева лежал параллельно валунной выкладке, поверх слоя тёмно-жёлтого песка. Хотя несколько камней из кладки находились поверх него, нельзя точно утверждать, что он связан с конструкцией стены.

По православной традиции ограда – это необходимое завершение архитектурной композиции ансамбля обители. Монастырская стена, как и водная преграда, имеют символическое значение видимых препятствий, они отделяли сакральную территорию монастыря – земное подобие Рая – от материальной суеты грешного мира: «ограда крепка, токмо не высока» [47]. Только в редких случаях она могла выполнять и фортификационную функцию. Для объективности отметим, что на Русском Севере существовали обители и без оград, например, Трифоново-Печенгский и Пречистенский Рождественский Кандалакшский монастыри.

Попробуем реконструировать внешний облик монастырской ограды. Существует её подробное описание в житии прп. Кирилла: «около монастыря ограду устрой юже тарасами или триугольными клетями укрепи, высоту в дванадесят бревен, и плащьями большими тесаными покры, и на углы малыя шатрики постави. ... и врата большыя в шахматы, болшим луженым гвоздем прибив и на двое растворять устрой. и подле другия малыя содела. и на вратах образы болшия написанныя постави. образ Спасов и Богородицы и Предотечи Иоанна. и назва тыя врата Святыми». Ранее высказывалось предположение, что данная цитата больше напоминает изображение поздней стены XVIII–XIX вв. старообрядческого Выговского мужского Данилова общежительства [48, с. 328]. Рассмотрим несколько возможных вариантов внешнего облика стены Суворецкого монастыря.

1. В первоначальном виде каменная часть ограды представляла сложенную насухо, шириной в один камень, невысокую вертикальную стену, а то, что мы имеем сегодня – это её разрушенное состояние.

2. Часто, когда требовалось только огородить территорию, валунная насыпь использовалась как основание для редкой жердевой ограды. Этот вариант хорошо представлен на фотографии Ю. Айлио 1897 г., запечатлевшей священную рощу в д. Тюемпайнен на о. Мантсинсаари в Ладожском озере [49, s. 55].

3. Если замысел был более «монументальным», то сложенная насухо валунная кладка использовалась как фундамент для невысокой деревянной стены: «а около того монастыря вкруг ограда деревянная, крыта тѣсом». В зависимости от положения и крепления брёвен в пряслах, выделяются три простейших типа рубленых стен монастырей и скитов на севере России: «частокол», «тын стоячей» и «тын лежачей». В частоколе между опорными столбами стояли «в режь», сплочённые поперечными жердями колья. «Тын стоячей» состоял из брёвен с заострённым верхом, скреплённых между собой. «Забранные столбы» («тын лежачей») представляли собой брёвна или брусья, которые подтёсывались с концов, укладывались горизонтально в пазы вкопанных столбов или брусьев. Данные типы оград делались без кровли. Последний из них был использован при ограждении Выговского старообрядческого скита. Есть и более упрощённый вариант ограды, в котором прясла стен крепятся с помощью поперечных стенок из брёвен-коротышей, которые одновременно служили опорой для двускатной кровли [50]. Низкие ограды монастырей и погостов не засыпались внутри землёй и камнями, как это делалось в фортификационных укреплениях.^[51]

Собственный полевой опыт работ с крестьянскими и монастырскими валунными сооружениями Карелии [52] даёт основание считать, что в нашем случае наиболее близким к реальности будет первый предложенный вариант. В то же время, нельзя полностью исключить, что в Суворецком монастыре на отдельных не стыкующихся участках конструкция ограды могла быть различной.

Отметим, ограда не всегда полностью замыкала монастырские постройки. Например, в Никольском Адриано-Андрусовском монастыре она только отделяла пустынь от дороги, оставляя открытыми участки, примыкающие к Ладожскому озеру. Сходная ситуация наблюдается и в «Кириловом монастыре», где два удалённых друг от друга длинных фрагмента ограды из «булыжного камня» (31 и 85 м) «прикрывают» обитель только с «фасада», обращённого на д. Чикулай. Существующий значительный разрыв между «оградками» можно объяснить незаконченностью сооружения или возможным восполнением недостающих участков по периметру обители «облегчённым» временным вариантом жердевой изгороди.

Особое сакральное значение имели ворота, которых в монастырях обычно было двое. Во время наших работ на о. Виданском какие-то признаки, указывающие на места въезда в монастырь, проследить не удалось.

Мельница. Изначально основой существования первых насельников пустыни была мельница, построенная Кириллом со своим отцом на небольшом, но бурном Троицком пороге, образованном гранитной грядой, пересекающей р. Виданы: «постави близ на малой реки и мельницу, яже молоти и толчи сильна бяше. Сотвори же и странноприимницу приезжающих ради молотья с хлебом». Этот важный пункт монастыря на небольшой мысовидной площадке хорошо определяется на местности [36, с. 300]. Житие Кирилла подробно повествует, что впоследствии для наименьшего соприкосновения монахов с мирянами мельницу специально перенесли от монастыря на версту выше по течению реки: «мельницу же от монастыря прочь повыше отнесе, за поприще понеже оной у монастыря бытии не удобно. Для приезду на мельницу окольничих жителей, и устрой ю изрядне». В этом месте она

мельницу окольничих жителей, и устрой ю изрядне». В этом месте она

существовала ещё долгое время после закрытия монастыря. По сообщениям местных жителей, её остатки на речном пороге около современного кладбища на острове видели ещё в 1930-х гг.

Крестьянские водяные мельницы, устанавливаемые на порожистых участках быстрых рек и ручьёв, просты по изготовлению и широко использовались в Карелии^[6] и Финляндии [54]. Они подразумевали строительство деревянных построек, в которых размещалась система несложных механизмов, приводящих в движение каменные жернова^[7] или песты, и иногда, создание водоотводного канала или деревянного жёлоба или же плотины [55; 56]. Напор воды на этом участке реки Виданы был небольшим, и поэтому применялось нижнебойное (подошвенное) водяное колесо-«мутовка» на «исподней воде», которое, в отличие от вертикальной «колесухи», не требовало устройства дамбы. Мельница «толчая» («колотовка») основана на принципе дробления, а не растирания зерна: вращательные движения водяного колеса преобразуются в возвратно-поступательное, прямое или криволинейное движение. При необходимости у неё было несколько деревянных ступ с пестами, которые могли объединяться с жерновами в одной срубной постройке [57, с. 166]. Для своих повседневных нужд крестьяне могли обеспечить себя мукой, полученной на ручных жерновах, которые были в каждом хозяйстве. Водяная мельница должна перерабатывать относительно большие объёмы зерна. В зависимости от сезонной скорости течения реки за день («мелет днём да ночью в вешнюю и осеню пору») можно было смолоть от 80 до 600 кг зерна [58; 59, с. 123]. Помол в Карелии осуществлялся с Ильина дня (20 июля ст. ст.). Обычно «помельник» получал совок муки с каждого намолотого мешка.

Валунные кучи. На начальном этапе натурного обследования усадьбы монастыря в 2007 г. наше внимание привлекли хорошей сохранности наземные валунные сложения – каменные кучи, неоднородные по размерам, пропорциям и форме. По местонахождению на площадке второй надпойменной террасы и морфологическим отличиям насыпей они разделены на три условных группы.

Первая группа (10 шт.) компактно располагается по пологому восточному склону возвышенности, занимая каменистый участок 40х30 м, на высоте 12–14 м над уровнем воды. Задернованные валунные кучи (максимальные размеры – 2,7–4х3–4х0,4–0,6 м) имеют округлую форму, сложены из бессистемно уложенных разновеликих камней. Только в двух случаях отмечена преднамеренная выкладка внешних стенок крупными валунами. Эти рукотворные сложения и примыкающие к ним две невысокие «оградки» длиной 30 и 20 м уверенно можно интерпретировать как следы расчистки «сенных покосов».

Вторая группа из 14 «валунных курганов» и двух коротких «оградок» (7 и 16 м) размещается в центральной части возвышенности, поверх культурного слоя поселения Чекулаево V, в 40 м к западу от группы 1. Они находятся на ровной площадке, на площади в 3000 кв. м (100х30 м), двумя условными линиями, вытянутыми с севера на юг, на удалении в 7–

10 м друг от друга, на высоте около 17 м над уровнем реки. Кучи задернованы, размерами 3–8х2,5–7 м. Они имеют подпрямоугольную или овальную в плане форму, вертикальные внешние стенки из трёх – шести рядов крупных валунов (в основании до 0,6–0,8 м), плоскую верхнюю поверхность, имеющую в ряде случаев небольшое западание в центре. Внутренняя часть конструкций забутована камнями среднего размера (до 0,25 м). Высота кладок незначительно разнится в пределах 0,7–1 м. (Рис. 3)

Обособлено, на южной оконечности террасы, в 150 м южнее от группы 2, располагаются ещё три внушительные единообразные каменные кучи. Они также прямоугольные в плане, имеют вертикальные внешние стенки из крупных валунов и ровную верхнюю плоскость. Самое южное сложение (3,3х3,5х0,5 м) использовано в качестве основания для современного поклонного креста.

Для выяснения характера назначения каменных сложений в лаборатории геоархеологических технологий ИИМК РАН к.г.н. М.А. Кульковой был проведён анализ на содержание фосфатов в верхнем слое песчаных отложений, залегающих под одной из каменных насыпей группы 2. Для сравнения отбиралась проба и из почвы в 10 м от исследуемого места. Результаты анализа показали, что под каменным сложением содержится большее количество фосфатов (на 30%), чем в фоновом образце. Повышенное содержание фосфора в песке может быть связано с присутствием карбонатапатита – основного минерала костей. Это подтверждает предположение о том, что в данном месте происходило антропогенное воздействие пока неясного характера. Сама каменная кладка на количественное содержание фосфора в грунте не влияет.

Ранее высказывались различные предположения о назначении валунных сложений второй и третьей групп: основания «памятных» или «обетных» крестов, символизирующие Голгофу, печи-каменки в больших строениях и т.п. [20, с. 86] Мы хотим обратить внимание на одну характерную особенность сооружения валунных конструкций второй и третьей групп – первоначально из крупных валунов тщательно возводилась вертикальная внешняя стена, что сразу определяло форму и размеры строения, а затем внутренняя часть заполнялась более мелкими камнями. Подобный строительный приём можно часто наблюдать в местах сельскохозяйственных работ в Обонежье – как аккуратный способ укладывания камней при очистке полей. Без проведения раскопок нельзя однозначно дать для всех валунных куч такое прозаичное определение. Ещё раз отметим, что сложения именно третьей группы в южной части террасы в комплексе с валунной оградой наиболее вероятно связаны с деятельностью монастыря.

На южном окончании мыса о. Виданский нами была предпринята попытка найти с помощью зондирования следы «келейки малой» инока Епифания. В житийных текстах даётся приблизительное описание её местонахождения: «создаша другую келию, мало поприще того места о ту жу Суну реку в наволоке яко за пол поприща», т.е. в полуверсте

к югу от кельи Кирилла на оконечности мыса, где сходятся два рукава р. Суна [36, с. 301]. Небольшая бревенчатая «чёрная» избушка монаха имела размеры 5x2,5 м, внутри – курную печь-«каменницу» на деревянном опечье, дым из которой выходил по специальной деревянной трубе дымоволока в окошко или в отверстие в потолке. От промысловых «станов» местных жителей её отличало только наличие сеней. По своим размерам и планировке она идентична аскетичным монашеским кельям «с сенями и чуланами» Соловецкого монастыря [1, с. 394]. В Житии Епифания сообщалось о двух пожарах этого строения. Древесный тлен, который должен остаться от основания дома, углистый слой пожарищ и развал печи-каменки найти не удалось. Возможно, остатки кельи разрушили при «поздних» сельскохозяйственных работах. Не исключено, что при более тщательных, последующих изысканиях место кельи Епифания всё же будет обнаружено.

Выводы.

Кратко подведём итоги осуществлённых работ на острове Виданском. Изыскания дополнили и конкретизировали известные нам из житийных источников сведения об облике пустыни. Сейчас уже можно выделить две условные зоны усадьбы монастыря – центральную в южной части, где располагалась церковь, и хозяйственную, находившуюся севернее и прилегавшую к жилому комплексу. Без проведения земляных работ задача по поиску монастырских объектов выполнена только частично. Важные сакральные места – храм, рядом находящийся братский некрополь и келья Епифания – пока не локализованы на местности.

Обследование «ограды», «ледника» и «каменных куч», дало возможность представить общий конструкционный характер этих сооружений, что немаловажно, так как объекты подобного рода в Карелии археологами исследовались впервые. В то же время точная датировка этих валунных построек ещё очень расплывчата и нуждается в уточнении. Скорее всего, они (за исключением отдельных групп «куч») созданы в период «расцвета» и наибольшей строительной активности в обители в 1670–1680-х гг. Мы предприняли попытку датировать эти сооружения с помощью дендрохронологического анализа. Для этого в 2009 г. сотрудником кафедры географии ЕГФ КГПА А.П. Быковым с применением бурава Пресслера длиной 0,45 м были отобраны образцы в виде кернов у ряда елей, растущих непосредственно на отдельных объектах («ледник», жилищная впадина, каменная «куча»). Они дали относительно небольшой, «немонастырский» возраст деревьев – от 73 до 130 лет, что убедительно наметило возможную верхнюю границу создания этих сооружений концом XIX в. К сожалению, неоднократные попытки датировать валунные сложения методом лихенометрии не увенчались успехом.

Археологические работы, проведённые на острове Виданском, позволили дополнить источниковую базу по малоизученным монастырским поселениям XVII в. Карелии. Актуальной задачей ближайшего будущего видится продолжение деятельности в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буров В.В.* 10 лет археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря (1996–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы исследования и научной реконструкции. Соловки. 2006. С. 391–398.
2. *Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Обследование острова Коневец на Ладожском озере // АО–1973. М., 1974. С. 14.
3. *Спиридонов А.М.* Археологические исследования на усадьбе Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 2. 1993. С. 55–61.
4. *Дмитриева Т.П.* Работы на территории Муромского монастыря // АО – 1993. М., 1994. С. 9.
5. *Бирюков Ю.Б.* Раскопки Рождественского собора Коневецкого Рождественского монастыря // АО–1997. М., 1999. С. 13–14.
6. *Амелина Т.П.* Монастырь на о. Брусно // Музей и краеведение на Европейском Севере. Петрозаводск, 2001. С. 85–95.
7. *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение Валаамского монастыря: к вопросу о возникновении и об исторической топографии // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб., 2004. С. 89–107.
8. *Алексеев А.В.* Предварительные результаты археологических исследований на месте Свято-Троицкой Юрьегорской пустыни // Вестник Сыктывкарского университета. Вып. 3. 2014. С. 15–35.
9. *Шахнович М.М.* Археологическое обследование Благовещенской церкви Иона-Яшезерского монастыря в 2012 году // Православие в вепском крае. Петрозаводск, 2013. С. 50–75.
10. *Понырко Н.В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в Выговской старообрядческой литературе // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 167–168.
11. *Старицын А.Н.* Реалии и реальные герои Кирилло-Епифаниевского житийного цикла // Рябининские чтения – 2011. Петрозаводск, 2011. С. 458–461.
12. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
13. *Карманова О.Я.* Легендарные предания в выговской агиографии начала XVIII в. // Выговская поморская пустынь и её значение в истории русской культуры. Петрозаводск, 1994. С. 37–39.

14. *Пашков А.М.* Троицкая Сунорецкая пустынь в истории России // Кондопожский край в истории Карелии и России / Материалы IV краеведческих чтений посвящённых памяти А.И. Шошина. Петрозаводск, 2000. С. 77–89.
15. *Виноградов А.В.* Соловецкий инок Елифаный: опыт реконструкции биографии // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2016. С. 81–102.
16. *Островский Д.* Виданский остров на реке Суне и его значение в истории поморского раскола // Олонецкие епархиальные ведомости. № 12. 1898. С. 25–27.
17. *Старицын А.Н.* Малоизвестные старообрядческие пустыни в Поморье в XVII веке // Особо охраняемые природные территории в XX веке: современное состояние и перспективы развития. Петрозаводск, 2011. С. 403–406.
18. *Воронов А.П.* К истории Троицкой Сунорецкой пустыни // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 60. С. 2.
19. *Кожневникова Ю.Н.* Монастыри и монашество Олонецкой губернии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009.
20. *Шахнович М.М.* Археологические работы на усадьбе Троицкого-Сунорецкого монастыря в 2007 году // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008. С. 79–87.
21. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М., 1940.
22. *Брюсов А.Я.* Сунские стоянки // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 41–47.
23. *Саватеев Ю.А., Панкрушев Г.А., Анпилогов А.В.* Разведки на территории Центральной Карелии // АО–1975. М., 1976. С. 41.
24. *Саватеев Ю.А.* Разведки в Средней Карелии // АО–1977. М., 1978. С. 33–34.
25. *Косменко М.Г., Анпилогов А.В., Витенкова И.Ф.* Раскопки на Сямозере и в устье р. Суны // АО–1976. М., 1977. С. 21.
26. *Песонен П.Э.* Раскопки мезолитической стоянки на р. Суне // Археологические открытия – 1978. М., 1979. С. 28–29.
27. *Филатова В.Ф.* Мезолитические памятники Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 19–39.
28. *Шахнович М.М., Чайкина Л.Г.* Ранненеолитическая стоянка Суна XV // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск. 1993. С. 25–38.
29. *Шахнович М.М.* Стоянка эпохи энеолита Суна XX // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 4. Петрозаводск, 2002. С. 22–39.
30. *Уваров А.* Археология России. Каменный период. Т. II. М., 1881.

31. Брюсов А.Я. Отчёт об археологических работах в Автономной Карельской ССР, произведённых в 1929 году, по Открытому листу № 10 // НА НМРК. № 895.
32. Археологические памятники Карелии. Петрозаводск, 2007.
33. Савватеев Ю.А. Отчёт о работе Онежско-Беломорского отряда Карельской археологической экспедиции за 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977-А. Р-1. № 6944.
34. Благовещенский И.И. Список населённых мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907.
35. Габе Р.М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
36. Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.
37. Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. СПб., 2013.
38. Мильчик М.И. Злоключения каргопольских плотников на дворе московского дьяка в 1690 г. // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. Каргополь, 2009. С. 43–54.
39. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 156–244.
40. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.
41. Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907.
42. Рабинович М.Г. Дом и усадьба в древней Москве // СЭ. № 3. 1952. С. 50–75.
43. Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Погреб-ледник XVI века с Фёдоровского VI раскопа // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 12. В. Новгород. 1998. С. 154–158.
44. Скопин В.В. Историческая застройка вокруг Соловецкого монастыря XVII – начала XX вв. // Соловецкое море. Вып. 7. Архангельск – Москва. 2008. С. 59–77.
45. Коваль В.Ю. О местонахождении Войницкого мыта // Археология Подмосковья. Вып. 10. М., 2014. С. 111–128.
46. Богомоллов В.В., Володин Е.О., Заидов О.Н., Цыбин М.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья. Вып. 11. М., 2015. С. 339–411.
47. Бусева-Давыдова И.Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // Архитектурное наследие. М., 1986. Т. 34. С. 201–206.
48. Описание Выго-Лексинского общежительства // Выговская поморская пустынь и её значение в истории России. СПб., 2003. С. 328–331.

49. *Ailio J.* Uhritavoista Mantsin- ja Lunkulansaarella Salmissa // *Virittäjä*. 1897. S. 52–68.
50. *Секретарь Л.А.* О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 59–73.
51. *Чусов А.А., Филенко С.М.* Реставрация ограды Ильинского погоста // Ильинский Водлозерский погост. Петрозаводск, 2009. С. 103–106.
52. *Шахнович М.М.* Валунные насыпи на территории Карелии // *Кижский вестник*. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 260–277.
53. *Бергштрессер К.* Опыт описания Олонецкой губернии, составленный К. Бергштрессером. СПб., 1838.
54. *Korhonen T.* Vesimyllyt. Historia, rakenne, käyttö ja kunnostus erityisesti kainuulaisen myllyperinteen valossa. Vammala, 1993.
55. *Vesuri A.* Tammerkosken voimakoneiden kehityksestä keskiajalta nykyaikaan asti // Suomen museoliiton julkaisuja 3. Helsinki, 1931. P. 61–68.
56. *Александров Ю.С.* О находке старой мельницы около Кончезерского медеплавильного и железоделательного завода // Музеи в северном измерении. Вып. 2. Петрозаводск, 2012. С. 44–47.
57. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М. 1959.
59. *Коптев К.Н.* Обработка зерна в Новгороде Великом и Пскове в XVI веке // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. 3. М., 1959. С. 124–140.
60. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

---

^[1] По мнению А.В. Виноградова Епифаний жил на острове Виданском с 1661 по 1666 г. [15, с. 89]

^[2] «По днеш же некоторых прииде к нему другой старец именем Варлаам, и той бяше отшельник соловецкаго монастыря. Его же Кирил с любовию якоже и Епифания, и постави ему келию при той же реце Суне, отстоя шую от него яко едино поприще. Он же нача ту жити, делаше же той сосуды ископа же себе подле келии своя ров, и внутрь его срубом огради. И содела гроб, и в рове той постави, и покрыв дсками. Хождаше в ров той, и возлегаше во гробе, и плакаше по вся дни. И толико себе постом и подвиги и плачем истомил, яко едва костем и составом его во едином телеси держатися можно бяше».

^[3] По переписи 1678 г. сообщается, что в Шуйском погосте «монастырь Троицкая пустыня построена вново. А на монастыре церковь Живоначальные Троицы. За монастырём двор конюшенной». [18, с. 2]

^[4] Цит. по *Пименов В.В., Эпштейн Е.М.* Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С. 158.

^[5] Единственная сохранившаяся в Карелии деревянная стена Ильинского погоста на оз. Водлозеро – это наиболее распространённый тип оград в Карелии и Каргополье: рубленая, протяженностью 290 м, высотой в девять венцов, на фундаменте из плоских валунов, с входными воротами с фланкирующими их пятистенными срубами под единой двускатной крышей [51, с. 104].

^[6] Например, в первой трети XIX в. в Олонецкой губернии было 693 мукомольных мельницы (626 водяных и 67 ветровых) [53, с. 69].

^[7] Размеры каменных жерновов: диаметр – 1–1,1 м, толщина – 0,1–0,15 м.